

Следствием захвата шведами Новгорода, по словам Тимофеева, было разорение церквей и обителей, расхищение городской казны и имущества жителей, выколачивание на правееже из новгородцев денег, увоз в Швецию всех артиллерийских орудий, посредством которых оборонялся город. Все, что пишет Тимофеев, подтверждается документальным материалом.⁴⁹

Описывая во «Временнике» годы господства в Новгороде шведских интервентов (1611—1616 гг.), Тимофеев указывает, что в это время далеко не всем русским людям жилось одинаково («не бяху же во всех равнии вси иже в плену объята»). Одни нищенствовали, другие упивались богатством, и «бысть им таковой плен лучши свободнаго всяко жития». Бедность бедняков резко контрастировала с румянцем на лицах разбогатевших при шведах людей. Между теми и другими не было ничего общего («несогласно же бяхе житие обоих и много имут между себе разстояние разньства»). Первые страдали от ига захватчиков. Вторые, приспешники интервентов, желали продолжения их господства. Тимофеев осуждает тех, кто действовал рука об руку с интервентами, пользовался их милостями. Люди, «душами же возжени и сердцы горяху приложением ко елином», — это изменники. Они творили раскол в обществе «за скорое суетия обогащение и своя чести» от шведов.⁵⁰

Во всех этих рассуждениях отразилось в значительной мере пережитое самим Тимофеевым. Это видно из некоторых документов, относящихся к Тимофееву. Сохранилась его челобитная на имя Я. П. Делагарди и И. Н. Большого Одоевского, поданная примерно через месяц после взятия шведами Новгорода, 25 декабря 1611 г. Челобитная эта еще не была использована в литературе, хотя на нее дана ссылка в исследовании С. Ф. Платонова.⁵¹ Тимофеев просил записать за ним его «человека крепостного» Ермачка, пропавшего «без вести» «в новгородское взятие», а затем вернувшегося обратно. «И чаял я тово своево человека в приступ убита», — пишет Тимофеев. Но оказалось, что Ермачка «збрел из Новгорода в новгородское взятие с оторопу с ыными людьми» в Ярославский уезд «ко племяни» и, между прочим, побывал в костромском поместье Тимофеева. Оказалось, что это поместье «отдано ис-под Москвы иному помещику». «И тово моево человека, — указывает Тимофеев в челобитной, — новой помещик выбил вон», после чего Ермачка «кормился по иным городом, а ко мне по ся места не шол, про меня проведывал, што жив ли я, и как про меня допряма проведаль, што жив, и пришол ко мне назад в Новгород».⁵²

Из челобитной видно, что материальное положение Тимофеева после «новгородского взятия» было весьма неустойчивым. Лишившийся своего костромского поместья, он, как увидим ниже, не имел земельных владений и в Новгороде. Не ясно, занимал ли Тимофеев в это время какое-либо официальное служебное положение при шведском правительстве. В челобитной он не называет себя дьяком и не указывает на какую-либо иную должность, им исполняемую.

Следующая челобитная Тимофеева (сохранившаяся в новгородских делах Стокгольмского государственного архива) была подана Я. П. Дела-

⁴⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 115, 288.

⁵⁰ Там же, стр. 120, 294—295.

⁵¹ С. Ф. Платонов Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник, стр. 448 прим. 10. — Благодаря любезности В. М. Панеяха я получил фотокопию с этой челобитной.

⁵² Архив ЛОИИ, Коллекция актов П. М. Строева, № 89. См. также М. Г. Курдюмов Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии Акты П. М. Строева. — ЛЗАК (1906), вып. XIX. СПб., 1908, стр. 171—172, № 89.